

В.Н.Тарасевич, д-р экон. наук

Национальная металлургическая академия Украины

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: ИМЯ СОБСТВЕННОЕ, ШИРОКИЙ СМЫСЛ И ПРЕДМЕТНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Рассматриваются различные измерения широкого смысла политической экономии, определяется состав и строение её предметного пространства в парадигмальном контексте.

Кому-то из мудрецов принадлежит интересная мысль о том, что родившийся ребёнок, будучи ещё беспомощным и несмышлёным, покорно принимает от родителей фамилию и отчество. Но своё имя он определяет самостоятельно, а родители лишь озвучивают его выбор, абсолютно убеждённые в обратном. Впрочем, в философии имени можно встретить великое множество не менее парадоксальных утверждений, неизменно конкурирующих за умы и кошельки. Но что практически не подвергается сомнению, так это явная *предопределённость имени именуемым и известная зависимость именуемого от имени*. Вот уж поистине, диалектика вездесуща.

Что именует политическая экономия, и что станет с именуемым, если это имя будет утеряно? В угоду кому и чему вопреки отечественной научной традиции это имя пытаются предать забвению? Не сопровождаются ли настойчивые попытки "прощания" с политической экономией невосполнимыми утратами для всей экономической науки, и не оборачиваются ли эти утраты провалами в экономической практике? Риторический вопрос. Политическая экономия – отнюдь не новорождённый и несмышлёный ребёнок, но так же нуждается в поддержке, апологии и защите. Главные средства защиты и наступления известны – уважение к прошлому, приверженность идеалам, творческое развитие, открытость в мир и будущее.

Имя собственное и широкий смысл

Как известно, в разных странах фундаментальную экономическую науку (ФЭН) называют по-разному: *экономия* – в Греции и Испании, *политическая экономия* – во Франции, *учение о народном хозяйстве* – в Германии, *учение о хозяйстве* – в Финляндии, *национальная экономика* – в Турции и Швеции, *экономикс* – в США¹. На постсоветском пространстве на смену термину "политическая экономия" пришли другие. За право именовать фундаментальную экономическую науку конкурируют термины "экономическая теория", "общая экономическая теория", "теоретическая экономика", "экономико-теоретическое знание", "теория экономической науки" и т. д.² Разумеется, это не случайно.

¹ Речь идёт, разумеется, о преобладающей традиции, а не о всей палитре названий.

² Не остался в стороне от поиска нового имени и автор этих строк (см., напр.: Тарасевич В.Н. О предмете экономической теории. – Днепропетровск, 1997). Было бы неприлично отказываться от написанного, но так же противно этосу науки останавливаться на достигну-

Во-первых, кардинальные общественные сдвиги рубежа II и III тысячелетий, изменившие судьбы государств и народов, не были предсказаны наукой, а предложенные научные объяснения и прогнозы трудно признать удовлетворительными, а тем более, исчерпывающими. Мир становится сложнее, а потому должна изменяться и усложняться ФЭН. Правда, указанные сдвиги не повлекли за собой массовых попыток изменить её традиционное имя в странах за пределами постсоветского пространства.

Во-вторых, образование и становление новых независимых государств на этом пространстве, активные усилия по формированию национальных версий ФЭН сопровождаются не только стремлением обогатить традиции, но и дистанцироваться от советской политической экономии, свести счёты не только с её известными негативами, но с ней самой. Но разве политическая экономия – это исключительно советский продукт? Разве правомерно отождествление науки с учебными курсами?

В-третьих, несмотря на официальный привкус сталинизма и догматизма, советская политическая экономия, в особенности её творческая составляющая, была марксистской, а потому – антикапиталистической. Новые "хозяева заводов и пароходов" не могут примириться с присущими ей социально-классовым подходом, видением тайн капиталистической эксплуатации наёмного труда, альтернативным взглядом на будущее человечества. Разумеется, им нужна "чистая" экономическая теория, свободная от критического марксизма. Какая уж здесь политическая экономия?

Являются ли эти причины достаточными для *абсолютного исключения* политической экономии из "списка" имён собственных ФЭН? Да, являются, но только для тех, кто готов на выгодную себе "резекцию" "духа и плоти" ФЭН, её оскотление и контролируемое плавание. На мой взгляд, *сохранение за политической экономией права именовать фундаментальную экономическую науку* диктуется не только научными стандартами свободомыслия, плюрализма, непредвзятости и объективности, служения истине, а не злату. Она имеет это право *по факту рождения*, ибо самостоятельно избрала своё имя, *качеству содержания*, ибо в поте лица его создала, генетически заложенному *соответствию духу нашего времени*, ибо её проблематика как никогда современна. Я не против иных имён собственных, но только научно обоснованных и выстраданных. Впрочем, слухи о смерти политической экономии весьма преувеличены.

Вслед за Ф.Энгельсом в профессиональном научном экономическом сообществе принято считать, что *политическая экономия в широком смысле* изучает не только капиталистический, но и все иные способы производства. Эту позицию трудно оспорить, тем более отбросить "за ненадобностью". Но исчерпывается ли ею понимание широкого смысла политической экономии?

Если бросить *ретроспективный взгляд* на человеческое знание, то невольно убеждаешься в его универсумном характере. Универсумном в том смысле, что оно – суть процесс и результат постижения человеком всех и каждой из сфер жизнедеятельности или универсума – экологической, экономической, социальной, духовной, политической. Поскольку

том. При более внимательном рассмотрении термин "экономическая теория" оказывается *наиболее условным* из всех перечисленных. Разумеется, любое имя сложного именуемого условно в том смысле, что не в состоянии исчерпывающим образом отразить содержание именуемого. Однако любая условность не должна быть беспредельной – имя собственное не должно выходить за содержательные границы именуемого, а, оставаясь в этих границах, должно представлять сущностные аспекты содержания именуемого. В этом контексте утверждаемое термином "экономическая теория" *отождествление* науки и теории является по меньшей мере не корректным. Наука неизмеримо богаче теории, теория – один из многочисленных элементов науки.

указанные сферы взаимодействуют, "сшиты тысячами нитей", соинтегрированы, то и соответствующие виды знания – экологическое, экономическое, социальное, духовное, политическое – едины в не меньшей мере, чем обособлены. Более того, экономика или экономическая сфера жизнедеятельности, впрочем, как и любая иная, не может быть адекватно постигнута сама из себя, вне универсумного онтологического и гносеологического контекста.

Экономическое знание универсумно и интеграционно по факту своего рождения из изначально синкретичного и целостного универсумного. Это означает, что с момента рождения и "на всю оставшуюся жизнь" в генетическом коде политической экономии запечатлены потенции *целостности, универсумности, интеграционности, склонности к интеллектуальной экспансии и восприимчивости к неэкономической мысли и чувству, полилогу со знанием экологическим, социальным, духовным и политическим*. В политической экономии, как в капле воды, сконцентрировано богатство океана универсумного и экономико-универсумного знания. Это ли не широта и глубина?

Несколько *сузим ретроспективу*. Экономическое знание как относительно самостоятельная реальность структурируется по разным признакам. Прежде всего, имея в виду характер и результаты постижения, выделяют *научное и вненаучное* экономическое знание. Последнее поражает своим разнообразием, включая, по крайней мере, мифологическое, религиозное, народное, художественное, магическое, экстрасенсорное, эзо- и экзотерическое. Научное экономическое знание рождается из вненаучного и активно с ним взаимодействует.

Столетиями сосуществуя с ненаукой в утробе матери – *философии*, политическая экономия впитала "в плоть и дух" и сохранила по сию пору (в отличие от рафинированного позитивизма) узы родства с ней, уникальные и всё ещё не используемые в полной мере каналы общения и взаимообогащения. Родившись наукой и избрав себе имя собственное, политическая экономия осталась философией, но уже в новом качестве – *философии экономической науки*. Поэтому политическая экономия в широком смысле предполагает активный полилог с философией и вненаучным знанием, козволюцию и взаимообогащение. Этой традиции были верны выдающиеся философы и политэкономы-классики – А.Смит, Дж.Ст.Милль, К.Маркс. Вправе ли отказываться от неё их ученики и последователи?

Новорождённая политическая экономия в известном смысле синкретична – её *фундаментальная и прикладная* составляющие выделяются позже. И как бы современные многочисленные экономические науки – и фундаментальные, и прикладные – ни гордились своей самостоятельностью и величию, у них одна, *общая* кровная мать – политическая экономия. Именно она передала своим детям, внукам и правнукам выстраданные ею *базовые постулаты научности*, которые позволяют отделить научные зёрна от псевдонаучных плевел: а) чёткое разграничение *объекта и субъекта* познания, допущение рассмотрения субъекта познания как его объекта, а объекта как субъекта; б) поиск и определение *объективных законов* движения объекта и на этой основе *предвидение* возможного *будущего состояния* объекта и его *изменений*; в) изучение объектов *безотносительно* к их *сиюминутной* актуальности и практической значимости. Указанные объекты могут быть предметом массового практического освоения в *неопределённом будущем*. Разумеется, это не означает, что политическая экономия "равнодушна" к практике. Напротив, именно она впервые постулировала практику как критерий истины, а также базовые

праксеологические императивы (активность, интенциональность, фокусировка и т. д.); г) специальная подготовка субъекта познания, освоение им элементов и операций научной деятельности, а также её *аксиологии, этоса* (особых ценностных ориентаций и этических принципов – добросовестности, толерантности, стремления к новизне, верховенства истины, недопустимости плагиата и т. д.); д) особый язык, специальная *аппаратура, техника* и *технология* как средства научного познания; е) ключевой продукт (результат) научной деятельности – *сущностное, новое и истинное знание*; ж) формирование *знания о методах* научной деятельности, а в более широком плане – *методологии* научного познания, саморефлексии науки³.

И если кто-либо из потомков по каким-то причинам не следует указанным постулатам, виновата ли в этом политическая экономия? Напротив, она предусмотрела и своеобразные варианты контроля, предохраняющие от девиантного поведения. В частности, речь идёт о *саморефлексии* экономической науки. Именно политическая экономия – пионер её (саморефлексии) первого этапа, представленного историей экономических учений, пусть преимущественно эмпирического, описательного, но крайне важного, ибо в нём заключены потенции этапов последующих – *научной* и *философской* саморефлексии. Трудно себе представить, чтобы политическая экономия отказалась от миссии их освоения, возложив её исключительно на своих детей и внуков. К тому же она обладает особыми материнскими правами, возможностями и мудростью, чтобы наладить диалог между ними, *фрагментацию* и *дифференциацию* экономического знания уравновесить *интеграцией* и *синтезом*.

Итак, широкий смысл политической экономии отнюдь не одномерен. Он имманентен всем ключевым срезам экономического знания – онтологическому, гносеологическому, аксиологическому и праксеологическому. Разумеется, не является исключением и предметная проблематика.

Парадигма и предмет

Некогда модная *парадигмальная* проблематика изрядно подзабыта. Между тем, из всех методологических новаций она пока наиболее адекватна предметным аспектам политической экономии в широком смысле, поскольку позволяет исследовать соотношение и взаимодействие различных элементов науки в онтологическом, гносеологическом, аксиологическом и праксеологическом контекстах.

В соответствии с традиционным подходом к самому понятию "предмет науки" последний рассматривается, главным образом, или автономно, или во взаимосвязи только с методом. Тем самым как бы постулируется простота предмета, недооцениваются формирующие его содержание взаимосвязи с иными важными и органически "сплавленными" элементами *научной парадигмы*: 1) наиболее общими мировоззренческими принципами и ценностными установками; 2) особенностями конкретно-исторических условий существования науки; 3) содержанием и характером взаимодействия субъекта и объекта научного познания; 4) положением науки в гносеологическом и аксиологическом пространстве; 5) теориями, концепциями, гипотезами, идеями; 6) соответствующим методическим инструментарием и категориальным аппаратом.

Уже само место предмета в ряду составляющих научной парадигмы порождает сомнения в исчерпанности его характеристики лишь тем, что *непосредственно* изучает наука. Прежде всего, содержание предмета является важным результатом взаимодействия субъекта и объекта познания. *Объект*

³ См.: Тарасевич В.Н. Апология экунки (об экономическом научном и универсумном знании) // Экономическая теория. – 2011. – № 1. – С. 5–6.

познания – это, как правило, некоторая часть объективной реальности, с которой непосредственно связана жизнедеятельность субъекта. Последняя сопровождается как осознанным, так и неосознанным процессом отражения. В первом случае имеет место *собственно познавательная деятельность*. Как известно, те стороны, свойства и отношения объекта, которые подвергаются активной обработке посредством последней, составляют *предмет* познания.

Если субъект располагается вне объекта как сторонний наблюдатель, он не включается в предмет познания. Если субъект рассматривает себя как неотъемлемую составляющую объекта, то в сферу его познавательных интересов включается собственное воздействие на объект. Если же субъект воспринимает себя как объект познания, то предметом познания становится та составляющая его существа, на которую направлена его познавательная деятельность. Позиция *вненаходимости*, которую занимает субъект познания, резко контрастирует с попыткой представить субъект познания в качестве объекта. Ясно, что исследователь имеет дело с разными "срезами" реальности, поэтому более плодотворными представляются императивы не их противопоставления или субституции, а возможной комплементарности.

Разумеется, предмет – отнюдь не пассивная детерминанта диалектики субъекта и объекта познания. Будучи раз определённым, получив самостоятельный статус, предмет обретает собственный потенциал активности, формы проявления которой могут быть весьма многообразны. К примеру, предмет очерчивает границы познавательной деятельности, задаёт характер воздействия субъекта на объект познания, определяет статус последнего. Перечень подобных форм *внешне ориентированной* активности предмета может быть продолжен по мере изучения его взаимосвязей с иными элементами парадигмы. Важнейшим свидетельством его *внутренне ориентированной* активности являются процессы его самоорганизации и самоструктурирования.

Предмет – это, прежде всего, *предметное пространство*, которое в принципиальном плане может расширяться вплоть до внешних границ объекта познания. В рамках предметного пространства познавательная деятельность может принимать ту или иную направленность. Формирующиеся таким образом *предметные направления* обеспечивают преемственность во времени и кумулятивность науки. По мере проникновения исследования в глубины реальности и восхождения от её основ к внешним формам могут фиксироваться различные *предметные уровни*. Разработка какого-либо предметного направления и/или уровня может сопровождаться выделением той или иной *предметной области*, того или иного перечня исследуемых проблем (*предметной проблематики*).

Характер и формы взаимосвязей структурных элементов предмета во многом детерминированы движением самой реальности и соответственно изменяющимися соотношениями составляющих научной парадигмы. Не исключена и "обратная" детерминация. И то и другое должно находиться в поле зрения учёного. Так, *мировоззренческие* принципы и *ценностные* установки формируются в результате *постижения* объективной реальности как сверхсложной человекоразмерной системы, в которой предмет данной науки суть лишь отдельный элемент. В этом смысле упомянутые принципы, установки и предмет соотносятся как общее и особенное. В частности, первые определяют системообразующие параметры предмета, очертания предметного пространства, предметных направлений. В свою очередь, предмет как перечень исследуемых проблем обогащает мировоззрение, а выделение

границ предметных пространств различных наук способствует структуризации мировоззренческих принципов и ценностных установок.

Изучение соотношения мировоззрения и предмета важно и в смысле чёткого разграничения *осознанного* и *неосознанного* начал науки. Как правило, неосознанное в виде бессознательного и подсознательного привносится в научную систему более богатым в сравнении с ней мировоззрением. Разумеется, речь не должна идти о полном "изгнании" неосознанного из науки как чужеродного начала. Но его абсолютизация под влиянием моды, попыток оригинальничания и т. п. может привести к смешению науки и ненауки, размыванию границ науки, что негативно скажется, в частности, на выяснении её истинного положения в ряду иных наук, в историческом потоке экономической мысли.

Результаты идентификации предмета вне гносеологических "координат" не предсказуемы точно так же, как не предсказуемо движение элементов сознания в "океане" бессознательного. С другой стороны, не чётко определённый предмет является ненадёжным "компасом" для поиска истинного исторического положения науки. Следовательно, процессы детерминации предмета науки и её гносеологических "координат" должны быть взаимообусловлены и синхронизированы. Это способствует сохранению её самости, адекватности её "сфер влияния", пограничных областей и областей общих интересов с иными науками в каждый момент непрерывного потока перемен.

Если предмет науки устанавливает внешние границы специфического пространства её интересов, а также исследуемые направления, уровни, области и проблемы, то совокупность *теорий, концепций и гипотез* обеспечивает их реальное научное наполнение идеями, взглядами, представлениями. По мере освоения научной мыслью указанных составляющих формируются соответствующие *частные теории*. Но та или иная частная теория может отразить и те объективные стороны предмета, которые до её (или в процессе параллельной с ней) разработки не были восприняты непосредственно. Тем самым она выходит за рамки первоначально заданной составляющей предмета, постепенно осваивая его иную или новую составляющую. Таким образом возможно формирование как равноуровневых (с точки зрения глубины отражения реальности) частных теорий, так и разноразноуровневых, всё глубже проникающих в основания экономики.

Более полную характеристику предметного пространства, той или иной его крупной составляющей может обеспечить *метатеория*, синтезирующая соответствующие частные теории. Вполне возможно превращение метатеории в частный случай более общей и сложной теории. Вопрос лишь в том, произойдёт это в границах данного предмета или за его пределами. Поскольку теория есть содержательное ядро парадигмы, постольку отмеченные взаимосвязи в основном верны и для частных парадигм, и для метапарадигм. Однако в силу более сложной структуры *метапарадигмы*, многопланового взаимодействия метатеории с иными элементами метапарадигмы более сложными оказываются и взаимосвязи. К примеру, в теории могут наличествовать непарадигмальные идеи, а метапарадигма может содержательно не ограничиваться лишь одной какой-либо теорией: совпадение границ теорий и парадигм вовсе не обязательно.

Не исключено, что указанные идеи суть семена, из которых при соответствующих условиях могут произрасти *синтетические* научные системы. Учение А.Смита буквально соткано из несистемных по отношению друг к другу идей. Своим предшественником его небезосновательно называют приверженцы различных теорий – трудовой стоимости, издержек,

факторов производства. Не потому ли он признан одним из наиболее выдающихся учёных-экономистов? Если гуманистические идеи молодого К.Маркса критики⁴ считают несистемными, противоречащими его позднему экономическому учению (что, кстати, не является убедительно доказанным), то почему бы им не обратить внимание на их (идей) синтетический потенциал?

Предмет науки, как известно, определяет её *методический инструментарий* (в дальнейшем – метод). По мере освоения научной мыслью той или иной предметной составляющей развивается и соответствующий метод, отрицая одни свои элементы, совершенствуя другие, обретая третьи. В свою очередь, метод определяет предмет, по крайней мере, в двух отношениях. Во-первых, как результат уже свершившегося познавательного процесса выступает инструментарием получения новых идей. Во-вторых, формирование метода и его применение, как правило, сопровождается развитием предмета. В этом смысле неадекватность метода предмету, к чему столь придирчива ортодоксальная критика, не менее значима, чем приветствуемая критикой адекватность. В самом деле. *Ещё* не адекватный предмету метод находится в процессе "дораствания" до него и может привносить в него новые элементы. Уже не адекватный предмету метод свидетельствует, как правило, о выходе предметной проблематики за пределы влияния данного метода и необходимости, по крайней мере, существенной модернизации последнего. Следовательно, наиболее продуктивным является *динамичное соответствие* предмета и метода, достигаемое на основе и посредством несоответствия в процессе их результативного взаимодействия.

Характер движения парадигмы в конечном итоге должен соответствовать характеру движения реальных процессов. Но относительность и многовариантность последнего делает практически неизбежным разнообразие интерпретаций парадигмальных изменений. Одна из интерпретаций может исходить из *эволюционно-революционного* характера указанных изменений.

Важнейшим условием *эволюции* парадигмы является меняющееся, но устойчивое соответствие между её составляющими, которые сохраняют изначальную качественную определённую. Находясь на траектории восхождения, парадигма постепенно обретает зрелость и завершённость, становится всё более развитым и наполненным соответствием между её составляющими. Углубляется познание субъектом данного объекта и самого себя в отношении с ним, предметное пространство наполняется теоретическим содержанием, метод "дорастает" до предмета, а составляющие парадигмы и она сама – до определённых мировоззренческих принципов и ценностных установок. Под влиянием активной познавательной и критической деятельности субъекта более быстрыми темпами эволюционирует содержательное ядро парадигмы, сообщая импульсы изменений иным её составляющим, прежде всего, методу. В то же время могут отсеиваться составляющие, не соответствующие предметному пространству. Рано или поздно наступает момент насыщения парадигмы, обретения ею определённой целостности. Она достигает высшей точки эволюции, за которой возможен её закат. Как правило, он связан с потерей исторических приоритетов отражаемыми ею реальными процессами и протекает тем быстрее, чем менее она *критична и самокритична*.

Идущие от новых реалий идеи могут быть ею либо отвергнуты как совершенно чуждые, либо интегрированы в качестве "частного случая",

⁴ См.: Самарская Е. Маркс, Гегель и коммунизм // Вопросы философии. – 2004. – № 8. – С. 80.

"исключения из правил" или на других началах. В первом случае новые идеи постепенно накапливаются за пределами данной парадигмы в условиях резкого или умеренного размежевания с ней, формируя ей альтернативу, конкурируя с ней и подрывая её извне. Во втором парадигма эволюционирует, пытаясь сохранить статус-кво, но постепенно становясь иной, поскольку в ней самой зреют и накапливаются альтернативные ей идеи.

Неадекватная институционализация и идеологизация господствующей парадигмы способна резко затормозить или даже остановить её эволюцию, в том числе до обретения ею зрелых форм, воспрепятствовать возникновению легальных альтернатив. В этих условиях *ни одна* из парадигм не застрахована от рецидивов светской религии. Разумеется, новые идеи всё-таки развиваются – либо за пределами официоза, либо принимая требуемую им форму. Но темпы их накопления, адекватные потребностям прогресса, их роль в обществе могут резко возрасти только в результате коренных институциональных перемен.

Накопление новых идей и взглядов, сопровождаемое активными методологическими поисками и коммуникативной критикой, рано или поздно рождает новое качество – концептуальную схему новой научной парадигмы. Этот *революционный* сдвиг может опираться как на формально-логическое, так и на диалектическое отрицание предшествующих парадигм и произойти как в рамках одной из них, так и за их пределами. В любом случае контуры составляющих новой парадигмы очерчиваются отнюдь не одновременно. Вероятно, поначалу оригинальные идеи стимулируют критику и переосмысление существующих мировоззренческих принципов и ценностных установок. Происходит постепенное осознание адекватности этих идей иному предметному пространству. Затем активизируются поиски приемлемых для исследования инструментов как в рамках уже накопленного методического инструментария, так и качественно новых. Из простого набора элементов концептуальная схема постепенно превращается в активно растущий организм. Новая парадигма утверждается постепенно, в соперничестве с иными парадигмами. Их сосуществование, взаимодействие и *взаимная критика в широком смысле*, во всём богатстве её содержания и контекстов являются важными условиями творческого роста научного сообщества, его приверженности общественной практике, которая одна только и может выступать как высший суд, выносящий окончательный вердикт.

Разумеется, указанные методологические заметки не претендуют на бесспорность и полноту, тем более что ниже их потенциал будет реализован лишь частично, поскольку объём статьи позволяет ограничиться лишь эскизом, схемой предметного пространства политической экономии в широком смысле.

Предметное пространство

Контуры общественного производства и воспроизводства жизни как объекта научного познания очерчены уже в рамках *экономической прапа-радигмы*. Элементы предмета науки присутствуют и в экономике, описывавшей, главным образом, натуральные формы богатства, и в хрематистике, занимавшейся проблемами умножения имущества и денежного богатства, и в средневековых теологических описаниях хозяйственной практики. Однако лишь в рамках *меркантилистской парадигмы* трактовкой **богатства** как создаваемой, потребляемой и накапливаемой массы благ, с одной стороны, и как массы денежных средств – с другой, впервые обозначены *границы предметного пространства* ещё только *рождающейся* науки. Последняя получает имя "**политическая экономия**" не случайно. Насущ-

ная практическая потребность стимулировала изучение проблематики национального богатства, и прежде всего в сфере обращения. Здесь достаточно чётко выделяются два предметных уровня, известные в истории экономических учений как система денежного и торгового баланса, успешно применяется достаточно отработанный описательно-эмпирический инструментарий.

Бурный старт индустриализма инициировал изучение проблематики трёх относительно самостоятельных составляющих (форм) богатства – стоимостной, полезностной и социальной. Тем самым в контурах предметного пространства чётко обозначились основные *предметные направления* – стоимостное, полезностное, социальное, которые во многом определяют статус соответствующих частных парадигм.

В эпоху **раннего индустриализма** активнее разрабатывается стоимостная парадигма и *стоимостное предметное направление*. В его исторической эволюции с известной долей условности можно выделить три предметных уровня. Для *первого* уровня, господствовавшего вплоть до возникновения классических учений, характерны выделение и осмысление стоимостных форм богатства и первичных абстракций (цена, деньги, стоимость, прибыль и т. д.), а также видимых взаимосвязей между ними. *Второй* уровень связан с исследованиями экономистами-классиками природы, причин и источников стоимостного богатства посредством активного использования методов индукции, дедукции, восхождения от абстрактного к конкретному. Гносеологический скачок от конкретных видов труда к труду вообще как первоисточнику богатства означал обретение теорией трудовой стоимости адекватной себе научной основы. Для *третьего* уровня характерен акцент на социально-экономической проблематике богатства и отношениях между людьми в воспроизводстве жизни. Последовательный историзм и диалектичность учения К.Маркса обеспечили теории трудовой стоимости и стоимостной парадигме внутреннюю целостность и завершённость. Процесс последующего двоякого отрицания последней – негативного (в рамках сталинизированного марксизма-ленинизма) и позитивного (в рамках научной традиции социал-демократии и творческого марксизма) – присущ не только теоретической системе капиталистических производственных отношений, но и иным *предметным областям* рассматриваемого уровня, а именно: области социалистических производственных отношений, области производственных отношений в переходных обществах, а также области производственных отношений во всемирном хозяйстве.

В эпоху **позднего индустриализма** в развитых странах доминирует разработка не стоимостной, а полезностной парадигмы. Гносеологическим стержнем последней является *полезностное предметное направление*, связанное с исследованием многосторонней проблематики *полезностной формы богатства* (полезностного богатства). Для *первого* предметного уровня указанного направления характерно эмпирическое описание и первичное осмысление содержания полезностного богатства как совокупности экономических благ, предназначенных для потребления, выделение его основных форм и первичных абстракций (благо, полезность, потребность и т. д.). *Второй* предметный уровень представлен исследованиями природы, источников и причин полезностного богатства. Здесь достаточно определённо можно выделить две предметные области: *первая* изучается, главным образом, в трудах поздних классиков, обосновавших теории факторов и издержек производства, в рамках *второй* абстрактно-логический анализ полезностной составляющей богатства с

позиций субъекта-потребителя привёл к созданию теории предельной полезности.

Дальнейшее развитие полезностной парадигмы опирается на попытки синтезировать позднеклассические и маржиналистские теории и соответствующий им методический инструментарий. Именно поэтому *третьему* предметному уровню присуще комплексное исследование богатства как средства удовлетворения потребностей и как результата усилий с позиций экономического рационализма, причём *микроэкономические* аспекты исследования представлены первой предметной областью, *макроэкономические* – второй. Проблематика указанных областей известна из англо-американских учебников. Её ядро – выбор наиболее эффективного варианта сочетания и использования редких ресурсов для производства благ с целью удовлетворения человеческих потребностей. Известно и то, что результатом взаимодействия микро- и макроэкономики явились "неоклассический синтез" и современная экономика. Только в середине XX столетия под предложенное А.Маршаллом новое название фундаментальной экономической науки подведена соответствующая теоретическая база. Соответствующая в том смысле, что в экономикс рассматриваются, по преимуществу, не причинно-следственные и генетические, а функциональные и де-социализированные связи. Отсюда её известный инструментализм и операциональность. Содержание её ограничено лишь полезностной парадигмой и является в известном смысле продуктом достижения ею определённой целостности и завершённости.

Социальная форма богатства, исследуемая в рамках *социального* предметного *направления* и являющаяся своеобразным центром кристаллизации элементов социальной парадигмы, "по возрасту" вряд ли уступает стоимостной и полезностной формам. Достаточно упомянуть разработки немецкой исторической школы и "Экономическо-философские рукописи" К.Маркса. Но возникновение и развитие его *первого* предметного уровня, вероятно, связаны с появлением эндогенных (по отношению к экономическим) социальных подходов наряду с экзогенными, включением в поле зрения учёных новых для политической экономии объектов – экологической, социальной, духовной и политической сфер жизнедеятельности в их непосредственной связи с экономической, иными словами – экономико-экологической, экономико-социальной, экономико-духовной и экономико-политической сфер. В гносеологическом плане указанный предметный уровень представлен богатой проблематикой *социально-институционального* направления мировой экономической мысли, *неэкономического империализма* в различных формах: институциональной экономики, эволюционной экономики, физической экономики, экономической социологии, нейроэкономики и т. д.

Логическим завершением формирования указанного предметного уровня могло бы стать признание научным сообществом *человека-личности* (а не homo oeconomicus) *в качестве ведущей составляющей богатства*. Вероятно, указанный предметный сдвиг адекватен **раннему постиндустриализму**, выходит за пределы *экономической метапарадигмы*⁵ и осуществим

⁵ Экономическая метапарадигма представляет собой некий синтез стоимостной, полезностной и ряда элементов социальной парадигм. Хотя их предметные и содержательные направления различны, расположены они в едином предметном и содержательном пространстве, ограниченном проблематикой богатства как совокупности товаров и благ, детерминированным в конечном итоге индустриальным трудом. Однако последний так и не стал адекватной основой социальной парадигмы. В сочетании с иными факторами это не позволило ей обрести целостность и общую теорию в индустриальную эпоху, но не помешало интегрировать некоторые стоимостные и полезностные теоретические положения и методический инструментарий.

лишь в рамках гуманистической метапарадигмы. Это верно и в отношении *второго* предметного уровня, посвящённого изучению природы, источников и причин социального богатства. В содержательном плане они далеки от окончательной определённости. Сейчас можно лишь предположить, что чем далее, тем более политическая экономия в широком смысле будет иметь дело с очеловечивающей деятельностью. В связи с этим весьма перспективными представляются исследования в трёх взаимосвязанных предметных областях.

Для *первой* характерно изучение человека как индивидуальности в системе связей с самим собой в процессе самостоятельности. В центре внимания *второй* предметной области – общественный человек в системе отношений в процессе очеловечивающей деятельности. *Третья* охватывает проблематику деятельного общественного человека во взаимосвязях с универсумом. Фундаментальная разработка указанной проблематики позволит в перспективе приблизиться к *третьему* предметному уровню, который, на мой взгляд, будет связан с комплексным осмыслением эволюции деятельного человека как противоречивого триединства индивидуального, ассоциированного и универсального.

Многообразие, известной хаотичности и неструктурированности содержания социального направления отвечает пестрота методологического инструментария. Во-первых, конкретизируются и обогащаются традиционные эмпиризм, описательно-статистические методы, исторический и социологический подходы. При этом отнюдь не безусловным становится отрицание дедукции и причинно-следственного анализа. Во-вторых, очевиден сдвиг от технологического и экономического детерминизма к междисциплинарному анализу, опирающемуся на достижения многих гуманитарных наук. В-третьих, расширяется использование подходов, характерных для естественных наук – биологии, термодинамики и т. п. Всё это свидетельствует об интенсивных поисках методов, адекватных изучению именно социальной формы богатства. Насколько они окажутся плодотворными, покажет будущее.

Таким образом, оставаясь **наукой о богатстве**, политическая экономия в широком смысле эволюционирует в направлении расширения и усложнения его проблематики. В ответ на новые объективные реалии изменяются её доминирующие парадигмы, предметные составляющие (направления, уровни, области), методы, названия. Упрощённые трактовки указанных изменений – в смысле прекращения существования одной предметной составляющей и абсолютного господства приходящей ей на смену иной – представляются неприемлемыми. Гносеологическая палитра гораздо сложнее. Подобно идеям, указанные составляющие не умирают, оставаясь самодостаточными и общезначимыми, изменяются лишь их положение и роль в предметном пространстве, содержание, характер и формы взаимодействия.

Наряду с фрагментацией и дифференциацией всё более значимой становится тенденция к интеграции различных продолжающих конкурировать направлений и школ политической экономии в широком смысле, к преобладанию синтетических и комплексных подходов в исследованиях социально-экономических реалий. В связи с этим представляется правомерным предположение о формировании в предметном пространстве политической экономии в широком смысле особого *синтетического направ-*

Социальная парадигма адекватна новой, гуманистической, метапарадигме, призванной отразить тенденции и достижения "царства свободы" – гуманизации, социализации, интеллектуализации, экологизации, свободного развития каждого как условия свободного развития всех (К.Маркс).

ления исследований, в котором с известной долей условности целесообразно выделить три основных уровня. *Первый* представлен комплексными и синтетичными учениями Й.Шумпетера, М.Туган-Барановского, Н.Кондратьева. Для *второго* уровня характерно сочетание, синтез отдельных составляющих стоимостного, полезностного и социального направлений. Примером может служить предметное содержание экономической метапарадигмы. *Третий* уровень связан с поисками возможностей интеграции результатов научных исследований и некоторых научных и вненаучных практик человекознания, имеющих дело с человеческим бессознательным и подсознательным.

Комплексное исследование накопленного научного потенциала есть необходимое, но недостаточное условие адекватного научного отражения современных *переходных экономических процессов* – и глобальных, характерных для мировой цивилизации в целом, и локальных, охвативших отдельные регионы мира и страны. Способом движения противоречия между масштабами и глубиной указанных процессов и уровнем их фундаментального теоретического отражения может стать разработка *экономической теории переходного общества* как неотъемлемой составляющей политической экономики в широком смысле, исследующей *особое направление* проблематики богатства – его *переходные формы*. Речь идёт, прежде всего, о мировом сообществе, в котором доминируют переходные, а не стационарные процессы (*первый* предметный уровень). Особенности социально-экономического развития новых независимых государств могут найти отражение в разработке переходного варианта социализированной экономической метапарадигмы. Адекватным ей является предметный уровень (*второй*), представленный проблематикой переходных форм богатства в противоречивом триединстве его основных составляющих – стоимостной, полезностной и социальной. Имеющиеся теоретические разработки делают правомерным предположение об императивах выделения в его (уровня) рамках четырёх предметных *областей* – теоретико-методологической, микро-, макро- и мегаэкономической. Первая посвящена рассмотрению общих основ, закономерностей и тенденций переходного общества и переходной экономики, а последующие три – изучению специфики проявления этих общих основ на микро-, макро- и мегаэкономическом уровнях, а также особенностей относительно самостоятельного движения и взаимодействия переходных процессов в пределах каждого из указанных уровней национальной экономики.

Итак, предметное пространство политической экономики в широком смысле является единым и в значительной мере структурированным (таблица). Вместе с тем ему присущи незавершённость и открытость: и эндогенная – "белые пятна" встречаются даже в хорошо известных направлениях, уровнях и областях, и экзогенная – во-первых, критерии структуризации могут быть иными, а во-вторых, нужно учитывать и мощную экспансию иных наук и вненаучных практик. К примеру, в рамках второго уровня *синтетического предметного направления* может быть выделена особая область, представленная *экономической синергетикой*. Её объект – экономическая система как сверхсложное самоорганизующееся и саморазвивающееся человекообразное образование, эволюционирующее в рамках универсума. Среди наиболее актуальных целесообразно выделить такие её предметные проблемы, как экономическая синергия и диссипация.

Таблица

**Строение предметного пространства
политической экономии в широком смысле**

Пространство				
Содержание	Направления		Уровни	Области
Б О Г А Т С Т В О	Экономические	Стоимостное (стоимостная форма богатства)	I. Стоимостные формы богатства и видимые связи между ними	
			II. Причины и источники стоимостного богатства	
			III. Социально-экономическая проблематика богатства, отношения людей в производстве жизни	Производственные отношения 1) капиталистические 2) социалистические 3) в переходных обществах 4) во всемирном хозяйстве
		Полезностное (полезностная форма богатства)	I. Полезностные формы богатства и первичные абстракции	
			II. Причины и источники полезностного богатства как совокупности экономических благ	1) теория факторов производства и триединый источник богатства 2) теория предельной полезности. Полезностное богатство с позиций субъекта-потребителя
			III. Богатство как средство удовлетворения потребностей и как результат усилий	1) микроэкономические аспекты богатства 2) макроэкономические аспекты богатства
	Социальные	Социальное (социальная форма богатства)	I. Выделение социального богатства из экономического. Человек-личность как главная составляющая богатства	
			II. Причины и источники социального богатства. Очеловечивающая деятельность как его субстанция	1) человек как индивидуальность в процессе самодетельности 2) общественный человек в процессе очеловечивающей деятельности 3) общественный человек во взаимосвязях с универсумом
			III. Деятельный человек как противоречивое триединство индивидуального, ассоциированного и универсумного	
		Синтетическое (синтетические формы богатства)	I. Учение Й.Шумпетера, М.Туган-Барановского, Н.Кондратьева	
			II. Сочетание, синтез различных аспектов и форм богатства	
			III. Возможности интеграции результатов научных исследований и ненаучных практик	
		Переходные формы богатства	I. Переходные процессы в глобальной и региональных экономиках	
			II. Переходные процессы в национальной экономике	1) теория и методология переходной экономики 2) переходная микроэкономика 3) переходная макроэкономика 4) переходная мегаэкономика

Интеграция в рамках экономической синергетики системного, эволюционного, элевационного и других подходов важна не только для адекватного исследования её собственной проблематики, но и в качестве инструмента изучения богатства как триединства стоимостной, полезностной и социальной составляющих, что чревато выделением его синергической составляющей.

Начавшийся в 80–90-е годы XX века и продолжающийся поныне методологический бум и связанная с ним интенсивная разработка проблематики методологии и философии экономической науки, прогресс истории экономических учений и экономической истории свидетельствуют об обретении научной экономической саморефлексией статуса *интеллектуального предметного направления* политической экономии в широком смысле. Впрочем, эта проблематика требует специального осмысления и обсуждения.

Таким образом, политическая экономия в широком смысле не только исторична, но и вполне современна, открыта в будущее и в таком качестве вправе претендовать на то общее, что отличает её от детей и внуков и что роднит с ними. Диалектике общего, особенного и единичного следуют все науки⁶. Не пора ли признать это и учёным-экономистам? Разве политическая экономия в широком смысле⁷ имеет меньше прав на то, чтобы её имя собственное носила наша наука, чем, к примеру, экономическая теория или теоретическая экономика? Согласимся, отнюдь не меньше.

⁶ Например, химия является признанной матерью многочисленных химий – общей, неорганической, органической, коллоидной, физической и т. д., соотносится с ними как общее с особым и единичным. Это верно для математики, физики, биологии, географии, психологии и т. д.

⁷ Признание политической экономии *в широком смысле* актуализирует проблематику политической экономии *в узком смысле*. До соответствующих исследований можно предположить существование *нескольких* таких узких смыслов, представляющих особые направления, области или проблемы предметного пространства. Например, активно развивающиеся "новая политическая экономия", "институциональная политическая экономия" и "глобальная политическая экономия" могут быть охарактеризованы как *особые* области и/или направления политической экономии в широком смысле.